

Норман Мейлер, суперписатель на суперрынке

Коммерсант & daily

был отцом «новой журналистики» — 1997. — Окт. — с. 9

Современное состояние российской журналистики можно охарактеризовать как кризис независимости. Кажется, что финансовая поддержка СМИ политическими или промышленными группами парализует свободу даже личного суждения пишущих и комментирующих. Между тем в мировой литературной и журналистской практике уже найден метод, когда эмоциональное отношение к описываемым событиям совмещается с драгоценной неангажированностью. В мире не так уж много писателей, которые на протяжении многих десятилетий своей творческой жизни пользуются репутацией классиков. В случае Нормана Мейлера ни сам эпитет «великий», ни заслуженность его не вызывают сомнений. Мейлер создал целое течение в литературе — new journalism. Для отечественной словесности творческая проблема, которую успешно разрешил метод «новой журналистики», весьма актуальна: по сути, это способ письма без маски, передачи факта через сугубо личное, индивидуалистическое восприятие. Сегодня ни одно общественное событие не может обойтись без наблюдателей. Роль человека media как участника событий, чьи реакции влияют на происходящее, чьи впечатления имеют самостоятельную ценность, впервые осознал именно Мейлер. Сейчас НОРМАН МЕЙЛЕР находится в Москве по приглашению издательства ЭКСМО и главного редактора журнала «Паспорт в новый мир» Генриха Боровика. О том, как появилась и развивалась новая журналистика, ее основоположника спросил МИХАИЛ НОВИКОВ.

— Я никогда не принимал объективистский тон, свойственный американской журналистике. Дело в том, что такие издания, как, например, журнал «Тайм», обладают в Америке очень большим авторитетом. Напри-

мер, о ком-то пишут: его карьера окончена. Или какой-то политик характеризуется определенным образом. Или пишут: вот, сейчас дело обстоит так, но в будущем его ожидает большой успех.

Это всегда чушь. Ну, не всегда, но чаще чем в половине случаев. Однако люди привыкли верить этому авторитетному тону. И я подумал: ведь это пишут всего-навсего репортеры. А я знаю, кто такие репортеры, я сам работал репортером. Они работают в условиях огромного стресса. Они обмениваются историями, они существуют в своеобразном рынке идей, и когда случается что-то новое, они не готовы к этому. Но то, с чем они привыкли работать, их не возбуждает.

К примеру, когда Джон Кеннеди начал свою президентскую кампанию, я понял, что с Америкой произойдет нечто экстраординарное. Это очень просто: он был очень привлекательной человек и у него была необыкновенно красивая жена. И Америка просто готова была сойти с ума от этого. Люди не могли не полюбить его! Они привыкли к государственным людям совсем другого типа — старым, солидным. Подумайте, что случится в России, если вслед за Ельциным к власти придет какой-нибудь молодой человек, у которого к тому же будет чрезвычайно красивая жена. Все изменится в этой стране! Люди скажут: да ведь можно жить совсем по-другому!

Это-то и произошло в Америке. Я писал свою первую работу в жанре «новой журналистики», имея в виду именно чету Кеннеди. Вещь называлась «Superman in the supermarket» и имела огромный резонанс. Я понял, что в журналистике нужно, чтобы репортер был действующим лицом. И вот почему. Если мы узнаем о чем-то от некоего третьего лица — скажем, от своего приятеля, — мы ведь что-то знаем об этом самом третьем лице. Мы знаем о сильных и слабых сторонах нашего приятеля. И соответственно перетолковываем его слова.

Представьте себе: человек стоит на углу и рассказывает нам о том, что происходит за углом — там, куда мы не можем заглянуть. Чтобы понять, как дело обстоит на самом деле, мы должны знать, что это за человек и какая у него жизнь, — именно в этом для меня суть нового журнализма. Человек, который рассказывает историю, представляет нам факты и дает им оценки. Но они куда чаще проистекают от невежества, чем от посвященности... Конечно, в журналистике есть эксперты в некоторых областях, но не во всех. Экспертов немного, и не всегда они оказываются под рукой...

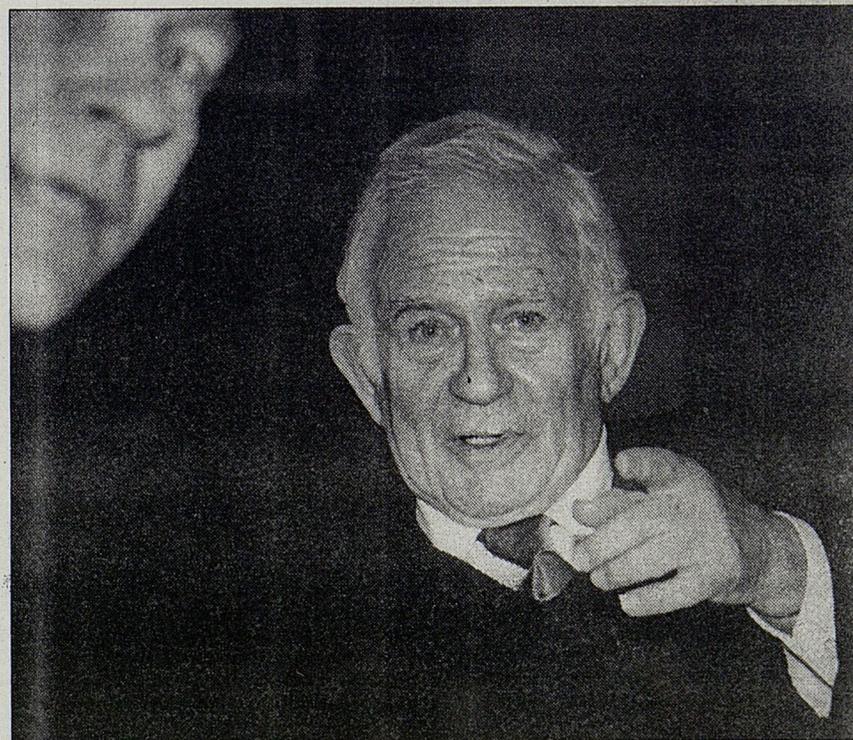
Так вот, лучше рассказать о себе, представить самого себя, дать образ наблюдателя и рассказать о своем восприятии события. Читатель узнает, с кем он имеет дело, и будет вправе сказать: то, что вы говорите, это, конечно, интересно, но я не согласен с этим по таким-то и таким-то причинам.

Это направление получило в Америке развитие. Бывает, что таким подходом злоупотребляют, и тогда получается, что рассказывают на девяносто процентов о себе, на десять процентов — о событии. Есть журналисты, которые создали себе репутацию на грубости и довели все это до той точки, когда журналистика становится жестокой. Как все в этом мире, новый журнализм пережил период становления, цветения и теперь находится в стадии декаданса.

— Не могли бы вы прокомментировать в связи с этим смерть принцессы Дианы? Как вы думаете, какова была роль mass media в этом?

— Пресса чувствует свою вину в этой смерти и поэтому пытается теперь казнить папарацци. Издатели газет балансируют на самом краю. Они стоят одной ногой на солидном, respectable основании, другой — на территории папарацци.

Однако я думаю, что здесь интересней другое. Не то, кто виноват, такая судьба ходит рядом с каждым.

2 октября Норман Мейлер выступил в ЦДЛ

Интересней то, как реагировали на это люди в Англии. Это самая сильная реакция общества, которую я могу припомнить со времени гибели Джона Кеннеди. Я думаю, что таким образом выразилось огромное желание народа видеть в высших слоях общества людей, которых можно было бы любить. И это желание возникает оттого, что мир слишком уж пропитан цинизмом.

— Вас называют в числе кандидатов на получение Нобелевской премии по литературе в этом году. Чувствуете ли вы какой-то азарт?

— Я не знал об этом.

— Информационные агентства распространили список возможных лауреатов. Там около десяти имен, и ваше в том числе.

— В таком случае, мои шансы — один к двадцати. Со мной уже была такая история, лет двадцать назад. Мне позвонил корреспондент Associated Press и сказал, что знает наверняка, что Нобелевская премия будет присуждена Норману Мейлеру. Он сказал, что я должен готовить нобелевскую речь и он надеется, что именно он будет первым, к кому эта речь попадет. Ну что ж... Я стал бродить по дому, думать о том, что я слишком молод, что в мире много писателей... Через два часа стало известно, что премию получил Андре Мальро. Это подтвердило справедливость моего мнения о том, что у корреспондентов Associated Press не все в порядке с грамотностью. Так что вполне может быть, что на этот раз имеется в виду Артур Миллер.